

УДК 811.161.1'374.3

**ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА:
ДИНАМИКА ФОРМЫ И СМЫСЛА**

Мокиенко Валерий

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются основные проблемы языковой игры средствами фразеологии. Фразеология в силу своей структурно-семантической парадоксальности и экспрессивности является естественным материалом для языковой игры, а различные способы трансформации фразеологических единиц повышают потенциал языкового обыгрывания. Автор анализирует различные аспекты проблемы и предлагает общую классификацию обыгрывания ФЕ на основе оппозиций, характерных для фразеологической системы.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, фразеологическая единица, вариантность фразеологизмов, способы обыгрывания фразеологии.

Тема «Фразеология и языковая игра», предложенная Фразеологической комиссией при Международном комитете славистов и поддержанная организаторами нашей Крымской конференции, давно уже влечёт к себе фразеологов. Употребление фразеологических единиц (ФЕ) современными писателями, журналистами, пользователями Интернета и политиками не только «поставляет» обильный материал для исследования этой проблемы, но и заставляет задумываться над причиной этого динамичного социального и языкового феномена. Во фразеологию «играют» сейчас все – от школьника до пенсионера, она перерастает из обычного речевого «стёба» в мощное оружие критики нашей действительности, подающей немало поводов для сарказма и иронии.

Обычно под *языковой игрой* понимают *языковую шутку*, «т. е. словесную форму комического» [21, с. 16] или «цельный текст ограниченного объёма (или автономный элемент текста с комическим содержанием» [там же, с. 23]. При всей оправданности такого понимания для конкретного анализа лексико-фразеологических проявлений языковой игры как лингвистического явления, оно кажется несколько зауженным. Ведь при всём многообразии этого феномена его можно рассматривать в русле двух основных аспектов языковой иронии вообще – и как **средство**, т. е. вид тропа, создаваемый контрастом между буквальным (эксплицированным) и переносным (имплицированным) значением и как **результат, целостный эффект** единого высказывания, включающего комплекс взаимодействия содержания языковой единицы, ситуации, условий и участников коммуникации [9, с. 153].

С более широкой перспективы на языковую игру можно смотреть и как на системный механизм преобразования нормативных языковых единиц с целью вызвать комический эффект. В отношении к фразеологии это означает, что практически любое варьирование, типовые или индивидуально-авторские трансформации ФЕ можно считать *языковой игрой* – во всяком случае, закономерным ресурсом создания средств комического воздействия. Такой подход к понятию *языковой игры* у нас с А. М. Мелерович сформировался в процессе работы над словарём «Русские фразеологизмы в речи» [10; 11]. Он начинался как попытка систематизировать случаи индивидуально-авторского обыгрывания ФЕ писателями и журналистами, однако в процессе сбора и осмысления обильного конкретного материала мы начали понимать, что граница между «индивидуально-авторским» (т. е. собственно «игровым») и общеречевым, узуально системным весьма неопределённа. Массированный анализ таких трансформаций показывает, что они имеют общую природу и, главное, – подчиняются общим языковым закономерностям. Закономерностям фразеологического варьирования и структурно-семантического моделирования. Не случайно даже такие эфемерные случаи фразеологической игры, как окказионализмы, в принципе соответствуют выявленным нами общим закономерностям и подчиняются императиву моделирования [23].

Понятно, почему взгляд на *языковую игру* как на *языковую шутку* кажется лингвистически и оправданным, и привлекательным. Ведь именно языковая шутка, комический текст оказывается осязаемым и действенным результатом языковой игры во втором, более широком смысле этого термина. А именно результаты языкового обыгрывания в текстах разного типа постоянно попадают в зону внимания лексикологов и фразеологов. Многие исследователи потому в основном сосредоточены на описании и классификации способов создания комического эффекта лексико-фразеологическими средствами [1; 3; 24; 14; 17; 21; 9], что само по себе подтверждает оправданность такого подхода. Обобщая такого рода наблюдения об обыгрывании ФЕ, В. З. Санников [21, с. 298–300] выделяет 5 типов создания языковой шутки:

1. Превращение устойчивого словосочетания в свободное (*О, ты не дура, далеко не дура, губа моя!* – В. Вишневский).
2. Замена компонентов ФЕ другими словами (*Россия – гордиев санузел/ Острейших нынешних проблем* – И. Губерман).
3. Изменение синтаксической функции ФЕ (*Зиуршали в камышах.../ Вириш – в вянуших ушах* – В. Соловьев).
4. Усечение ФЕ (*Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. – Жмём вашу клешню* А. Аверченко).
5. Разложение «чужого» фразеологизма (*Всё мы обсудим толком/ Вместе с собакой и волком* – Саша Соколов).

Легко заметить некоторую неоднородность этой классификации – так, напр., такой приём, как усечение ФЕ (4-й тип) является и «изменением синтаксической функции» (3-й тип), а последний тип обыгрывания выделен по принципиально

иному – «генетическому», а не структурно-семантическому признаку. Тем не менее, эта типология языковой игры ФЕ практически полезна и в целом соответствует основным способам их комического обыгрывания.

Подобные классификации способов создания игрового (resp. иронического) эффекта средствами фразеологии могут быть весьма детализированными. Так, недавно Даниела Константинова [9, с. 154–161] на болгарском материале выделила 12 таких способов:

1. Нарушение логической, временной и пространственной последовательности.
2. Преувеличение и как его разновидность – гиперболизация.
3. Умаление путём литоты.
4. Повторение синонимичных или близких по значению слов и синтаксических конструкций.
5. Оживление исходного образа ФЕ.
6. Обыгрывание звукового и смыслового состава слов, входящих в ФЕ.
7. Неуместный или абсурдный риторический вопрос.
8. Транспозиция категории лица в глагольных ФЕ.
9. Употребление прошедшего неопределённого времени глагольных форм компонентов ФЕ.
10. Употребление необычных метафор.
11. Обыгрывание сравнений и их образности.
12. Различные тропы: аллегория, метонимия и т. д.

При всей разнородности этой и других подобных классификаций, они полезны именно своей детализированностью, сосредоточением на языковых особенностях создания языковой игры фразеологическими средствами.

Закономерен, тем не менее, и более широкий – системно-лингвистический взгляд на фразеологическую игру. Он вытекает из сущностных признаков и языковой игры, и фразеологии как одного из уровней языковой системы. Ведь языковая игра – это словесный парадокс, некоторая «антитеза» всему привычному, нормативному, устойчивому в языке. Именно благодаря такой парадоксальности языковая игра порождает основной целевой эффект – прагматизирует высказывание, выворачивает его на формальную или семантическую «изнанку», делая его экспрессивным. А поскольку одним из категориальных свойств ФЕ является именно *экспрессивность*, то эта единица как нельзя лучше соответствует парадоксальности языковой игры. Собственно, фразеология по своей функциональной природе также является языковым парадоксом. Парадоксом иного рода, чем языковая игра, но во многом обеспечивающим эффект, создаваемой последней.

Уже в силу того, что категориальным свойством ФЕ является экспрессивность, многие идеографические (resp. тематические) группы фразеологии построены на языковой игре. Таковы, например, семантические поля «Безделье», «Пьянство», «Глупость», «Ненужность», «Безденежье» и т. д. [18; 19]. Лимит времени, к сожалению, не позволяет проиллюстрировать игровой потенциал всех таких групп. Ограничусь лишь актуальным для фразеологов Украины и России, а

также всей кризисной Европы полем – полем «Безденежье». Казалось бы (хотя бедность и не порок), семантика этого поля должна порождать скорбную, трагическую коннотативность. Но фразеология опровергает реалистический трагизм безденежья. Опровергает его ... смехом. Вот лишь несколько шуточных русских ФЕ, отразивших такое опровержение, извлеченных из нашего словаря фразеологических синонимов [7, с. 28–29]:

ветер свистит (гуляет) в карманах (в кармане) чьих (чьем) у кого; в одном кармане блоха (клоп, вошь) на аркане, [а] в другом вошь (блоха) на цепи; в одном кармане смеркается, [а] в другом [чуть] заря занимается у кого; карманная чахотка у кого; Купило притупило (притупилось) у кого.

Если же поискать выражения на эту тему, известные нашей народной речи [16], то этот «игровой» синонимический ряд разрастётся до внушительных размеров:

денег девать некуда – кошелёк купить не на что; денег много: валялась в кармане копейка, да и ту пришлось разделить; нажитое нами: по дыре в кармане; дырка в кармане у кого; свистит в карманах; в кармане Иван Тощой да Марья Леготишина у кого; в кармане пустота бродит у кого; в кармане чахотка, в сундуке сухотка у кого; в кармане чихает у кого; в одном кармане дыра, а другой чинить пора; в правом кармане сочельник, в левом – понедельник у кого; прозвездцло в кармане у кого; осталась одна копейка, да и та щербата у кого; чахотка в кармане у кого; иши в кармане да блоха на аркане у кого...

Вот так русская народная фразеология реагирует на вечную трагедию человечества – хроническое отсутствие денег. И конечно же – не только русская: в новогреческом языке таких выражений наверняка не меньше – ведь кризисная ситуация заставляет компенсировать пустоту карманов богатством соответствующей фразеологии.

Как видим, фразеологию в языковой игре уже по своей природе можно считать «ударной силой» особой коннотативной мощности. Не случайно В. З. Санников подчёркивает, что «обыгрыванию чаще всего подвергается природа фразеологизма, его вторичный, производный характер» [21, с. 297].

Какова же «природа фразеологизма», делающая его функционирование в языковой игре столь эффективным?

Частично на этот вопрос я пытался ответить более 30 лет назад в своей книге «Славянская фразеология» [15; 4], анализируя основные оппозиции, порождающие особый языковой динамизм фразеологической системы. Динамика фразеологической системы создаётся взаимодействием таких оппозиций, как «Устойчивость – неустойчивость», «Моделируемость – немоделируемость», «Имплицитность – эксплицитность», «Образность – безобразность», «Экспрессивность – нейтральность». Разумеется, можно число таких оппозиций увеличить – напр., в русле популярных ныне поисков языковой картины мира за счёт противоположения «Национальное – интернациональное». Посмотрим, насколько эти оппозиции сущностно «работают» на механизм языковой игры.

1. Устойчивость – неустойчивость. Эта оппозиция отражает диахроническую преемственность ФЕ от свободных словосочетаний, бывших их прототипом. Но при языковом обыгрывании реальность «ревитализируемого» прототипа уже несущественна и потому разрушение устойчивости осуществляется более «раскованно», порождая открытый ряд мнимых прототипов. Так, народно-поэтическое выражение *за тридевять земель* может трансформироваться не только в логичные «пространственные» варианты типа *за тридевять морей* (Т. Бек), но и во внутренне неоправданные – временные, такие, как *из-за тридевять буйных веков* ‘из очень давних времён’, да ещё с «нанизыванием» таких лексических вариантов, как *из-за тьмы, из-за мглы, из-под спуда*:

*Из-за тридевять буйных веков,
Из-за тьмы, из-за мглы непроглядной,
Из-под спуда седых валунов
Вылезает корягой неладной...
И наверх, осерчавший и злой,
Продирается Вий, вылезает.
(С. Городецкий, Вий).*

Устойчивость разрушена, но зато поэтическая игра с фразеологизмом повышает его экспрессивность, переключает пространственную семантику во временную плоскость. В результате традиционная словесная формула обретает новую семантическую жизнь.

2. Моделируемость – немоделируемость. Немоделируемость фразеологии, признаваемая многими исследователями как определённое следствие её устойчивости, является также определённым ограничителем и «нормализатором» фразеопотребления. Механика языковой игры, однако, превращает его в мишень творческих преобразований. И тогда рождается целая серия оборотов, образованных по тождественной или типологически близкой модели. Этот процесс активен как двигатель фразеобразования, в результате которого та или иная ФЕ отрывается от модели и закрепляется в языковой системе лишь в одном из вариантов – как, например, рус. *бить баклуши*, укр. *бити байдики*, бел. *біць бібікі*, пол. *zbijać baki* [13]. Но в преломлении к языковой игре он играет особую креативную роль, вовлекая в свою орбиту даже заведомо немоделируемые единицы. Так, известный старый фразеологический каламбур, основанный на созвучии слов *Рига* и *рыгать* «извергать рвоту», некогда объяснялся М. И. Михельсоном как петербургская морская реалия. Он связывал его с тошнотой, якобы испытываемой пассажирами в весьма конкретной ситуации – во время морского путешествия в Ригу [12, II, с. 351]. Один из современных интерпретаторов даже добавляет к такому толкованию конкретные реальные факты, превращающие этот каламбур в единичный лингвокультурологический слепок: в XIX в. путешествие из Петербурга в Ригу по морю было гораздо дешевле, чем по железной дороге, но на ветхих каботажных суденышках укачивало, и пассажиров тошнило [22, с. 34, 178]. Легко увидеть, что столь «романтическое» морское объяснение разбивается о законы языковой игры, в которой упоминаемое чисто языковое созвучие гораздо важнее, чем история каботажного плавания из Петербурга в Ригу. Тем более, что этот фразеологический

каламбур известен не только петербуржцам, но и полякам. Ср. пол. *pojechać do Rygi, pojechać do Rygi po figi, pojechać przez Zabki (Zabkowiec) do Rygi, pojechać na Bałtyk*, известным с 1874 г. [5, III, с. 116]. Главное же, – что эта популярная каламбурная модель, несмотря на её явную оригинальность, «работает» и в русской живой речи, и в других языках. Так, в нашем синонимическом словаре [7, с. 199] зафиксированы такие шуточные обороты на данную физиологическую тему, как прост. *поехать (съездить) в Прибалтику*; устар. прост. *сделать Франц-хераус (Фридрих-хераус)*; разг. *исполнить арию Рыгалетто*; жарг. *говорить / поговорить с Ватсоном*; жарг. *вызвать [доктора] Ватсона*; жарг. *обниматься / обняться (дружить) с белым другом*; *пугать белого друга*; жарг. *кричать на белого друга* и др.

Проекция этой каламбурной модели можно обнаружить и в других языках. Так, шуточное нем. *den heiligen Ulrich anrufen (rufen)* имеет то же значение, что и рус. *поехать в Ригу*, а буквально значит «звать святого Ульриха» или «звонить святому Ульриху». Восходит оно к студенческой речи XV в., а имя *Ульрих* используется в выражении оноματοпоэтически, как подражание звуку, производимому при рвоте [6, с. 152; 2, с. 11, 152]. Ср. чеш. *honit Davida*, образованное шуточной парафразеологизацией глагола *dávit* ‘тошнить, рвать’. Прямое влияние немецкого языка ощущается и в словен. *klicati Urha [na pomoč]*, которое, по мнению известного словенского фразеолога Я. Кебера, образовано от нем. *den heiligen Ulrich anrufen* и *sankt Ulrich rufen*. При этом Я. Кебер приводит и другой шуточный синонимичный оборот, образованный по той же типологической модели, – *praviti (peti) rigoleto* (букв.: говорить (петь) [арию] риголетто). Ср. также случаи, когда, казалось немоделируемая консервативная структура художником слова творчески воспроизводится как модель с семантическими мутациями – напр., вместо *мал мала больше* создаются варианты *стар стара старше* (В. Герасин, «Лунная память») или *бол бола больше* (И. Ильф, Е. Петров, «Россия-Го»)

Как видим, фразеологическая модель в каламбурных ФЕ работает более последовательно и динамично, чем в нормированных литературным языком оборотах.

3. Имплицитность – эксплицитность. Эта оппозиция также энергетически подпитывает языковую игру. Так, движение от ФЕ к лексеме в принципе «подрывает» один из категориальных признаков этой единицы – раздельнооформленность. Но, превращаясь в слово, словосочетание передаёт ему особую игровую стилистику и несколько меняет семантику. Конденсация выражения *изобретать велосипед*, например, приводит к образованию двух слов – *велосипедоизобретательство* и *велосипед* ‘нечто давно всем известное’:

Обидно, что десятки ленинградских училищ, где ложно толкуют понятие «творчество» и неверно, на мой взгляд, организуют соревнование в сфере рационализации и изобретательства, за все годы своего существования ни разу не

сумели представить на выставку какое-либо настоящее изобретение. «Велосипедоизобретательство», как видите, и тут сыграло роковую роль. (А. Иванов, Не изобретать «велосипед»!)

– Смотрите, чем дальше палка от берега, тем дальше её не выбрасывает. – Да. Простите, это *велосипед*. – Почему? – Это давно известно. (В. Шукшин, «Митька Ермаков»).

Пример обратного процесса – эксплицирования в обыгрывании фразеологизма *Скатертью дорожка!* находим в рассказе М. М. Зощенко «О чем пел соловей»:

Скатертью дорожка. Камнем в воду. Не задерживаем! [неодобрительные слова хозяйки съезжающему от нее жильцу].

4. Экспрессивность – нейтральность. Эта оппозиция в языковой игре может иметь двойную направленность. С одной стороны, экспрессивность ФЕ может при обыгрывании затушевываться, переключаться в другую плоскость и тем самым несколько сглаживаться. С другой – мало экспрессивный, почти нейтральный оборот может в употреблении писателя насыщаться дополнительной экспрессией. В первом случае некоторая потеря экспрессивности достигается различными способами: например, буквализацией исходного образа путём замены его близкой по смыслу лексемой:

Наш оппонент на редкость скверно ведет свою игру. На шахматных полях возможно бесчисленное количество вариантов, но вести партию *без короля на доске* или *без царя в голове* – такое чаще всего случается в дурной политике «нормальных» и старомодных советологов. (А. Кривицкий, Страницы из «Общей тетради»).

Как видим, здесь предельно конкретное шахматное словосочетание *без короля на доске* переключает экспрессивный оборот *без царя в голове* в иную плоскость, снимая определённую долю экспрессии.

Ко второму случаю следует отнести употребление невыразительного в принципе клише *в своём роде* в «Идиоте» Ф. М. Достоевского, весьма тонко проинтерпретированное в докторской диссертации М. Р. Проскурякова [20, с. 133–134]. В романе этот оборот насыщается экспликацией концепта *род*, что значительно повышает его экспрессию:

«Да вот не знаю, каким образом и генеральша Епанчина тоже очутилась из княжон Мышкиных, тоже *последняя в своём роде*... – Хе-хе-хе! *Последняя в своём роде!* Хе-хе! Как это вы оборотили, – захихикал чиновник ... Белокурый несколько удивился, что ему удалось сказать, довольно, впрочем, плохой каламбур. – А представьте, я совсем не думая сказал, – пояснил он, наконец, в удивлении. – Да уж понятно-с, понятно-с, – весело поддакнул чиновник» (Достоевский, т. I, 10). «То есть если хотите и есть одно дело, так только совета спросить, но я, главное, чтоб отрекомендоваться, потому я князь Мышкин, а генеральша Епанчина тоже *последняя из княжон Мышкиных*, и, кроме меня с нею, Мышкиных больше и нет ... Только не могут, кажется, не принять: генеральша уж конечно захочет видеть *старшего и единственного представителя своего рода*, а она *породу* свою очень ценит» (там же, 23). «Вот-с, рекомендую, *последний в роде* князь Мышкин, однофамилец и, может быть, даже родственник, примите, обласкайте» (там же, 61).

«Ай да *последний в роде* князь Мышкин! — завопил Фердыщенко» (там же, 191).
«Но *последний в роде* барский отпрыск был идиот» (там же, 297).

5. Образность – безобразность. Образная ипостась ФЕ играет самодовлеющую роль в создании языковой игры и потому неизменно комментируется лингвистами. В «Антипословицах русского народа» [8] мы приводим немало примеров, где привычная для говорящих образность ФЕ разрушается, переключаясь в совершенно иную плоскость. Так, шутивно-утешительное выражение *до свадьбы заживёт* превращается в оптимистический призыв бонвивана – *До свадьбы поживём!* (*boot*, 15.5.2002), а поговорка *нас голыми руками не возьмёшь* становится девизом убеждённого холостяка: *Нас голыми ногами не возьмёшь*. Переключение регистра образности здесь не разрушает полностью исходной формы и смысла, но зато увеличивает «осцилляцию смысла» (Я. Мукаржовский), напряжение между исходным и «игровым» оборотами.

Нередки и случаи, когда художник слова создаёт целый каскад образных преобразований ФЕ, градуируя креативное удаление от исходного образа. Так, в стихотворении Б. Слуцкого «Без меня» оборот *капля в море* сначала обогащается одним компонентом, превращаясь в сочетание *капля в океане моря* ‘нечто малое, но важное, ценное, в огромном’, а затем образно разворачивается каскадом оригинальных, созданных самим поэтом словосочетаний-перифраз:

Можно обойтись и без меня.
Но зачем? *Секундой в толще дня,*
каплей в океане моря
и слезинкою в рыданье горя
пригодиться я ещё могу.
И ещё – *снежинкою в снегу.*

Как видим, типология языковой игры во фразеологии органически перекликается с основными оппозициями, которые её динамизируют. На этом общем системном поле, как кажется, можно исследовать многие конкретные и весьма разнообразные проблемы, связанные с темой «Языковая игра и фразеология». Вот лишь некоторые из них, которые представляются наиболее актуальными.

1. Избирательность фразеологического материала, который поддается языковому обыгрыванию. Опыт показывает, что далеко не все ФЕ «провоцируют» языковую игру. Необходимо выявить тот корпус фразеологии в разных языках, который регулярно подвергается игровым трансформам.
2. Выявление собственно лингвистических механизмов такого трансформирования.
3. Типология ФЕ (в широком смысле термина), подвергающихся языковому обыгрыванию и выявление специфики каждого из типов.
4. Уровневая классификация способов обыгрывания фразеологизмов.
5. Взаимодействие обыгрываемой фразеологии с текстами различных жанров.
6. Языковая игра с фразеологией в живой речи и Интернете: общее и различное.

7. Культурологическая и когнитивная специфика обыгрываемой фразеологии.
8. Проблемы перевода обыгрываемой фразеологии на другие языки.
9. Лексикографическое описание различных типов фразеологии (в широком смысле), ставших объектами языковой игры.

Разумеется, перечисленные проблемы – лишь часть той актуальной проблематики, которая укладывается в русло темы «Фразеология и языковая игра». Программа Симферопольской конференции убедительно свидетельствует о том, что у избранной нами проблематики есть ещё большой запас пороха в пороховницах. А раз так, то можно быть уверенными, что коллегиальная дискуссионная «игровая перестрелка», открытая на конференции, эффективно продолжится и в будущем.

Список литературы

1. Buttler D. Polski dowcip językowy / D. Buttler // PWN, Warszawa 1974. – 422 s.
2. Duden Bd. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. Idiomatics Wörterbuch der deutschen Idiomatik / Bd. Duden // Bearb. v. G. Drosdowski und W. Scholze-Stubenrecht. – Mannheim, Leipzig u.a: Dudenverlag, 1992. – 864 s.
3. Jilek F. Vtipná čeština / F. Jilek. – Praha: Mladá fronta, 1967. – 314 s.
4. Mokienko V. Fraseoloxía eslava. Manual universitadio para a especialidade de lingua e literatura rusas / V. Mokienko // Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. – 504 p.
5. Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / Pod red. akad. Ju. Krzyżanowskiego. T. 1 – 4. Warszawa, 1969 – 1978.
6. Olschanski H. Täuschende Wörter. Kleines Lexikon der Volksetymologien / H. Olschanski. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1999; 2005. – 253 s.
7. Бирих А. К., Степанова Л. И., Мокиенко В. М. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М. : «АСТ», 2009. – 448 с.
8. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // СПб. : Издательский Дом „Нева“, 2005. – 578 с.
9. Константинова Д. Иронията във фразеологията. Начини за създаване на ироничен ефект във фразеологията / Д. Константинова // Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова. – София: академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011. - С. 151–162.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.
11. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Словарь. – М. : «Русские словари», 1997. – 864 с.; изд. 2-е. – М. : «Русские словари, Астрель», 2001. – 855 с.; изд. 3-е. – М. : «Русские словари, Астрель», 2005. – 855 с.
12. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии / М. И. Михельсон // Сборник образных слов и иносказаний. СПб. – Т. 1, 1903. – 779 с. Т. 2, 1905. – 580+250 с.
13. Мокиенко В. М. Историческая фразеология: этнография или лингвистика? / В. М. Мокиенко // Вопросы языкознания, 1973. – №2. – С. 21–34.
14. Мокиенко В. М. Каламбуры у Горького / В. М. Мокиенко // Русская речь. – 1968. – № 2. – С. 27–34.
15. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко // М. : Высшая школа, 1980. – 207 с. 2-е изд. М. , 1989. – 287 с.
16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 784 с.
17. Норманн Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норманн. – М.: изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2006. – 242 с.
18. Прадід Ю. Ф. Російсько-український і українсько-російський фразеологічний тематичний словник. Емоції людини / Ю. Ф. Прадід. – К. , 1994.

19. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю. Ф. Прадід. – К. – Сімферополь, 1997. – 252 с.
20. Проскуряков М. Р. Концептуальна структура тексту / М. Р. Проскуряков. – СПб. : изд-во СПбГУ, 2000. – 240 с.
21. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
22. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. Более 3700 слов и выражений / Н. А. Синдаловский. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2002. – 320 с.
23. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология: монография [Текст] / И. Ю. Третьякова. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 2011. – 290 с.
24. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура) / А. А. Щербина. – Киев : АН УССР, 1958. – 165 с.

Мокиєнко Валерій. Фразеологія і мовна гра: динаміка форми і смислу // Валерій Мокиєнко // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), №2 (1). – С. 100–109.

У статті розглядаються основні проблеми мовної гри засобами фразеології. Фразеологія з огляду на власну структурно-семантичну парадоксальність і експресивність є природним матеріалом для мовної гри, а різноманітні шляхи трансформації фразеологічних одиниць підвищують потенціал мовного обігравання. Автор аналізує різні аспекти проблеми й пропонує загальну класифікацію обігравання ФО на основі опозицій, характерних для фразеологічної системи.

Ключові слова: мовна гра, каламбур, фразеологічна одиниця, варіантність фразеологізмів, шляхи обігравання у фразеології.

Mokienko Valery. Phraseology and Language Game: Dynamics Form and Meaning / Valery Mokienko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Taurida National University. – Series: Philology. Social Communications. – 2012. – V. 25 (64), №2 (1). – P. 100–109.

The article deals with the main problems of the language playing by means of the phraseology. The phraseology because of its structural-semantic paradoxality and the expressivity is the natural material for the word playing and the different ways of the transformations of the phraseological units make the potential of the language playing much higher. The author analyses the different aspects of the problem and offers the general classification of the playing with the phraseological units on the ground of the oppositions, which are characteristic for the phraseological system.

Key words: language playing, pun, phraseological unit, variability of the phraseologisms, the ways of the playing with the phraseology.

Стаття надійшла до редакції 9 липня 2012 року